

**Эдвард
Сент-Обин**

Эдвард Сент-Обин

ДАНБАР

Кавер-версия
«КОРОЛЯ ЛИРА»
УИЛЬЯМА ШЕКСПИРА

Москва
2018

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
С31

Edward St Aubyn

DUNBAR

Copyright © Edward St Aubyn, 2017

First published as Dunbar by Hogarth, an imprint of Vintage. Vintage is part of the Penguin Random House group of companies

Перевод с английского *О. Алякринского*

Разработка серии и оформление обложки:
Александр Кудрявцев, студия графического дизайна «FOLD & SPINE»

Сент-Обин, Эдвард.

С31 Данбар : [роман] / Эдвард Сент-Обин ; [пер. с англ. О. Алякринского]. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Шекспир XXI века).

ISBN 978-5-04-091728-0

Некогда могущественный владелец огромной корпорации Генри Данбар теряет контроль над реальностью. Его здоровье ухудшается, и он передает управление двум старшим дочерям, которые только того и ждали. Упрятав папашу в частную клинику, они замысливают хитроумный план, позволивший бы им обогатиться, оставив отца не у дел. Но Данбар, почуввав неладное, сам планирует побег из клиники, чтобы вернуть себе прежнюю власть и изменить свое решение в пользу младшей дочери, Флоренс.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-091728-0

© О. Алякринский, перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Посвящается Кейт

1

— Сегодня мы без таблеток, — прошептал Данбар.
— Без таблеток, без балеток, без жилеток, — запел Питер. — Никаких таблеток! Вчера, — продолжал он заговорщицким шепотом, — мы размазывали слюны по лацканам наших махровых халатов, а сегодня мы без таблеток! Мы их выплюнули и транквилизировали наши цветучки в горшках! Если те свеженькие лилии, которые вам присылают каждый день...

— Стоит мне только подумать, откуда они берутся... — зарычал Данбар.

— Спокойно, старичок!

— Они украли мою империю, а теперь присылают мне вонючие лилии!

— Да бросьте! Неужели у вас была империя? — произнес Питер тоном взволнованной хостес из борделя. — Вы должны встретиться с Гэвином из палаты тридцать три, он здесь инкогнито, но его настоящее имя, — Питер понизил голос, — *Александр Македонский!*

— Не верю ни единому слову, — рявкнул Данбар. — Он давным-давно умер!

Эдвард Сент-Обин

— Что ж, — тут Питер заговорил с интонациями психиатра с Харли-стрит¹, — если эти взволнованные лилии страдали от шизофренических наклонностей... наклонностей, замечу я особо, отчасти характерных для шизоидной стадии, а не для ярко выраженного заболевания, их симптомы можно будет купировать, сведя до минимума фатальное побочное действие. — Он подался вперед и прошептал: — Вот куда я бросил свои смертоносные таблетки — в вазу с лилиями!

— Да будет тебе известно, что у меня и правда была империя, — сообщил Данбар. — Разве я не рассказывал тебе историю о том, как ее у меня украли?

— Много раз, старичок, много раз! — мечтательно протянул Питер.

Данбар рывком встал с кресла и, сделав пару неуверенных шагов, выпрямил спину и прищурился, глядя на яркий свет, бьющий сквозь пуленепробиваемое стекло его палаты премиум-класса.

— Я сказал Уилсону, что готов остаться независимым председателем совета директоров, — начал рассказывать Данбар, — и при этом за мной должны сохранить самолет, свиту, собственность и все полагающиеся привилегии, но я сниму с себя основное бремя, — он обхватил вазу с лилиями и

¹ Лондонская улица, на которой располагаются кабинеты частнопрактикующих врачей.

осторожно поставил ее на пол, — бремя управления «Трастом» на постоянной основе. С этого дня, объявил я ему, мир будет моей идеальной площадкой для забав и, в свое время, моим личным хосписом.

— О, это очень хорошо, — кивнул Питер. — «Мир — мой личный хоспис». Это что-то новенькое!

— «Но ведь «Траст» — это все, что у тебя есть!» — заявил мне Уилсон. — Углубляясь в свою повесть, Данбар пришел в еще большее возбуждение. — «Если ты намерен так поступить, возразил он, у тебя ничего не останется. Ты не можешь что-то отдать и в то же время продолжать этим владеть!»

— Это уязвимая позиция, — вставил Питер, — сказал Р. Д. Лэинг епископу¹.

— Позволь мне закончить рассказ, — прикрикнул Данбар. — Я объяснил Уилсону, что это всего лишь способ снизить налоговые выплаты и что мы сможем обойти налог на наследство, если просто отдадим девочкам компанию. Но Уилсон не согласился: «Лучше заплатить налог, чем лишать себя собственности!»

— Ух, как же нравится мне этот Уилсон! — заметил Питер. — Вас послушать, то к нему всегда следует прислушиваться, потому что ослушаться

¹ Лэинг Р. Д. (1927–1989) — шотландский психиатр, автор популярных исследований человеческой психики. Конструкция «сказала (актриса) епископу» и производные от нее — популярный юмористический комментарий, аналогия в русском языке: «...сказала старушка, вылезая из-под трамвая».

Эдвард Сент-Обин

нельзя, а как прислушаешься — так сразу ясно: у него все таблетки привинчены как надо. То есть я хочу сказать, винтики в его головах привинчены как надо.

— У него только одна голова! — нервно возразил Данбар. — Он же не гидра. Мои дочери — вот те оказались гидрами.

— Только одна голова? — воскликнул Питер. — Какой скучный парень! Когда я в антидепрессии, у меня на плечах больше голов, чем шариков в котелке.

— Хорошо, хорошо! — Данбар уставился в потолок и загудел голосом Уилсона: — «Вы не можете хвататься за капканы власти, не имея никакой власти! Это просто... — Он осекся, пытаясь избежать слова, но в итоге позволил этому слову сорваться с языка: — ...прекраснодушие!»

— Ага, прекраснодушие, малодушие и удущение, — проговорил Питер трагическим тремоло, — сошествие, буква за буквой, в глубокую могилу. Как же легко мы, споткнувшись, катимся вниз по ступеням, подобно Фреду Астеру, размахивая косой, точно тростью!

— Господи всеблагий. — У Данбара побагровело лицо. — Перестань, пожалуйста, меня перебивать! Меня никто никогда не перебивал! Меня всегда смиренно слушали. Если же кто-то и раскрывал рот, то только чтобы польстить мне или сделать щедрое предложение. Но ты, ты...

Данбар

— Лады, ребята! — заявил Питер, как будто обращаясь к разъяренной толпе. — Освободите трибуну для парня. Послушаем, что он нам имеет сказать!

— Я буду делать то, что, черт побери, хочу! — воскликнул Данбар. — Вот что я тогда сказал Уилсону. Я информирую тебя о своем решении, а не спрашиваю твоего совета. Просто исполняй!

И Данбар снова устремил взгляд к потолку.

— «Я не только твой адвокат, Генри, я еще и твой самый старый друг! Я говорю об этом из желания тебя обезопасить!» Ты слишком много возомнил о нашей дружбе, заорал я, нечего мне читать лекции о компании, которую я создал в одиночку! — Данбар воздел к потолку кулак и потряс им. — И тут я схватил яйцо Фаберже, которое лежало на моем столе в гнезде из салфеток — это было уже третье за тот месяц! Как же однообразны эти русские со своими имперскими замашками! Кучка еврейских выскочек-клептократов, корчащих из себя великих князей Романовых. Зачем мне это «дурацкое русское барахло!» — так вскричав, я швырнул яйцо в камин, и жемчужины и осколки эмали рассыпались по золе. Как мои дочери это называют? «Побрякушки! Дурацкие русские побрякушки!» Уилсон и бровью не повел. Эти мои «инфантильные истерики» стали почти что повседневными, вызывая озабоченность у моей команды врачей. Понимаешь, — возбужденно

Эдвард Сент-Обин

обратился Данбар к Питеру, — я теперь могу читать его мысли. У меня открылся...

— Боюсь, у вас открылся психиатрический третий глаз! — изрек Питер тоном консультанта с Харли-стрит.

— Тьфу ты, перестань корчить из себя врача!

— А кого мне из себя корчить? — спросил Питер.

— Бога ради, будь самим собой!

— О, этому я еще не научился, Генри! Разрешите мне изображать кого-то попроще. Может, Джона Уэйна? — Питер не стал дожидаться ответа. — Пойдем-ка прочь из этого притона, Генри, дружище! — зарокотал он на манер звезды вестернов. — И уже завтра на закате мы завалимся в салун в Уиндермире и закажем по стаканчику, как оно и подобает двум крутым парням, которые крепко держатся в седле своей судьбы.

— Я должен дорассказать тебе свою историю, — жалобно взмолился Данбар. — И не дай мне бог сойти с ума!

— Видите ли, — продолжал Питер, не обращая внимания на приунывшего Данбара. — Аз есмь... или я был... или я бывало... кто знает, история ли я иль нет? Я — знаменитый комик, но я страдаю от депрессии, от комического недуга, от трагического недуга комика, или от исторического недуга трагического комика, или от фикции трагического недуга всех исторических комиков!

— Прошу тебя, — взмолился Данбар. — Ты меня совсем запутал.

— О, я в антидепрессии, в антидепрессии я, — запел Питер. Он спрыгнул со стула и подхватил Данбара под руку, приглашая его закружиться с ним в танце. — Я в такой антидепрессии, что стал маньяком! — Он вдруг остановился и выпустил руку Данбара. — Громко визжат шины! — продолжал он, имитируя закадровый голос диктора. — Это водитель изо всех сил старается выровнять руль, когда его автомобиль повис на краю пропасти.

— Я видел твое многоликое лицо, — устало проговорил Данбар, — на многих экранах.

— О, я не претендую на уникальность! — заметил Питер с наигранной скромностью. — Я не один такой. Сказать по правде, в 1953 году, когда моя беспечная матушка извергла меня в эту юдоль страданий, в одной только телефонной книге Лондона уже значились двести тридцать и еще один Питер Уокер, так что я не просто не один такой, нас слишком много!

Данбар остановился как вкопанный посреди палаты.

— Но я отвлекся, старичок! — продолжал Питер весело. — Расскажите-ка мне про свою команду врачей!

— Моя команда врачей, — повторил Данбар, хватаясь за спасательный круг знакомого сло-

Эдвард Сент-Обин

восочетания, выскочившего из клубка его спутанных мыслей. — Да, да. Накануне того дня, когда я объявил Уилсону о своем решении, доктор Боб, мой личный терапевт, отвел Уилсона в сторону и сообщил, что я переживаю некие «незначительные церебральные явления». Но он добавил, что «причин для излишнего беспокойства нет».

— А какие могут быть причины для излишнего беспокойства, — невольно поинтересовался Питер, — когда есть масса причин для далеко не лишнего беспокойства?

Данбар отмахнулся от него, как от надоедливой мухи.

— Но, — продолжал Данбар, — как считает мой златоуст-лекарь, этот позлащенный змий, этот двенадцатиликий дракон, который давно уже мог стать экспертом в своем деле, ибо его единственным пациентом был я, или твой покорный слуга, или, во всяком случае, не кто иной, как я, Генри Данбар, — заявил он, бия себя в грудь, — Генри Данбар!

— А разве вы не Генри Данбар, канадский медиамагнат? — спросил Питер, как могло показаться со стороны, сторя от любопытства. — Один из богатейших в мире людей и, вероятно, самый могущественный в мире?

— Да, да, я самый, или я собственной персоной, по крайней мере, это мое имя! Моя грам-

матика прихрамывает, поскользывается на некоторых мыслях, крутится, словно попав в водоворот. Так вот, как считает этот негодяй и предатель, мой личный терапевт, было бы лучше свести мои истерики «к минимуму», чтобы моя свита на них не реагировала или, по крайней мере, не делала вид, что относится к ним слишком серьезно.

— Истерики будут доведены до максимума завтра днем, — возвестил Питер, — когда Ураган Генри понесется по Озерному краю. Невольным зрителям рекомендовано заползти в подвалы или приковать себя к утесам.

Данбар замахал руками, словно разгоняя тучи назойливых мух.

— Я... я... О чем это я? Ах да, после учиненной мной сценки ярости Уилсон остался невозмутим, решив, что это самое разумное. Тем временем я заметил яйцо. Его поверхность была выщерблена и помята, но внутри безделушка сделана из чистого золота и не могла разбиться вдребезги, на что я, пребывая в мрачном настроении, понадеялся. Я подбежал к яйцу и обрушил на сводившую меня с ума игрушку всю безжалостную мощь своей ступни, однако изделие оказалось куда более прочным, чем я думал: яйцо выскользнуло из-под моей подошвы, но я ухитрился схватиться за край камина, чтобы уберечь себя от постыдного падения на пол. Я заметил, как верный Уилсон привстал со стула, но вновь опустил на него. Мимо-